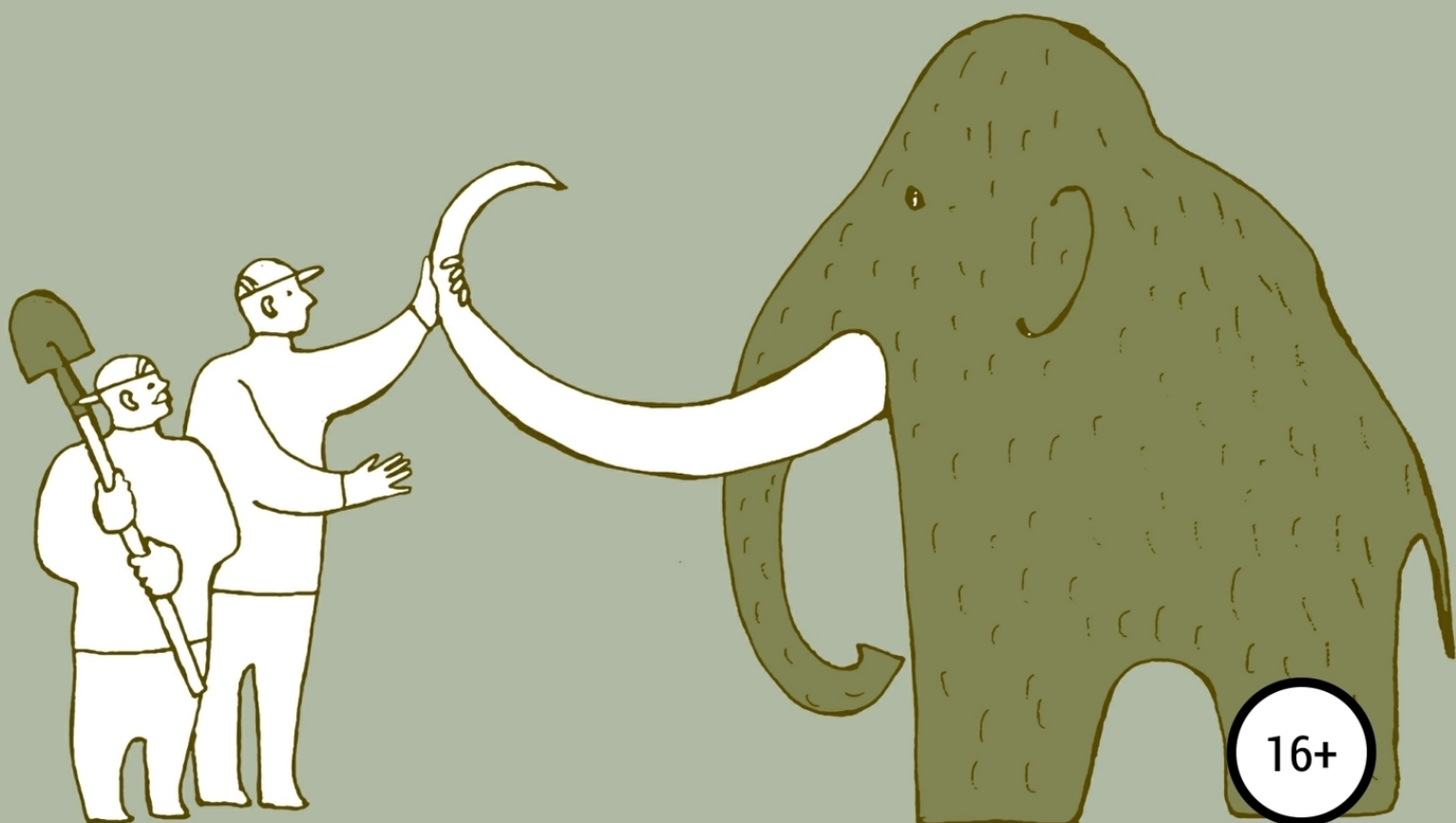

Сергей Прокопьев

**ВПЕРЕД
НА МАМОНТОВ**

16+

Сергей Прокопьев
Вперёд на мамонтов

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Прокопьев С. Н.

Вперёд на мамонтов / С. Н. Прокопьев — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Два друга отправляются в экспедицию в Якутию на поиски костей мамонтов. На реке Яне находят кладбище мамонтов с множеством останков древних животных, однако попадают в поле зрения серьёзных органов, которые принимают мужчин едва не за диверсантов. Повесть написана в ироническом ключе и полна забавных эпизодов со стрельбой, допросами и таёжными приключениями.

Содержание

Сергей Прокопьев	5
Костная лихорадка	5
Улус Коли-зека	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Сергей Прокопьев

ВПЕРЁД НА МАМОНТОВ

Повесть

Костная лихорадка

Прихожу к армейскому другу Денису Горлову, а у него Коля-якут. Надо уточнить – жили мы в Якутске. Я носился с идеей... Правильнее сказать – вынашивал идею: вот бы кости мамонтов пособирать. Был у меня товарищ по имени Антон, за два года до этого перебрался из Якутска в Горно-Алтайск. Антон из племени увлекающихся, кому не терпится всё испытать-попробовать. На гитаре играл, песни сочинял, на концертах пел и с фотоаппаратом не расставался – портреты, пейзажи щёлкал и фотовыставки устраивал. Талантливый человек, известное дело, на все руки мастер, Антон вдобавок к перечисленному освоил резьбу по кости – мамонтов из мамонтовой кости вырезал.

В далёком моём детстве к кому в гости ни придёшь, на комоде семь фарфоровых слоников. Комод одежду хранить, слоники – для красоты. Мои родители, да и остальные взрослые не заморачивались китайской теорией фэн-шуй, по которой слоники приносят в дом счастье и удачу, больше на себя надеялись, чем на замысловатый фэн-шуй. Но в качестве милого украшения жилища стелилась на комод салфетка, крючком связанная или вышитая, на неё ставились в ряд слоники. Бытовало два типа фигурок – у одних хоботы победно задраны вверх, у других – смотрели в землю. В нашем доме слоники куда-то сосредоточенно шли, им было не до криков на всю Африку, поэтому хоботы опущены.

Дружок мой Антон на слоников время не тратил, для северного человека мамонты роднее, их увековечивал в поделках из кости. Перебравшись на Алтай, Антон завёл знакомства с серьёзными косторезами. В отличие от Якутии на Алтае с мамонтами сложнее, можно сказать, вообще никак, их останки если и попадают, не в промышленных масштабах. Тогда как в Якутии, по уверениям исследователей, более восьмидесяти процентов мировых запасов мамонтовой кости. Мамонты жили во всём северном полушарии. Проливов Берингова и Ламанша не существовало, поэтому преспокойненько паслись на всей территории от современной Канады до Великобритании. Травы им требовалось много, до двух тонн в сутки, щипали её и на Аляске, и в Якутии, и на Алтае, и в Сибири, и в Скандинавии, и на пяточке будущей Франции. Тем не менее основные залежи костей на Якутию пришлись. Антон навёл меня на мысль: на мамонтах можно хорошо заработать.

Было это в начале девяностых годов, когда торговали всем, чем ни попадя. Мутная шатия-братия, захватившая власть, все эти ельцины, чубайсы да гайдары по-крупному распродавали Россию под видом борьбы с коммунизмом, рядовые граждане свой базар организовали, без всяких высоких идеологических лозунгов, исходя из сугубо приземлённых целей – кушать хочется. В магазинах много чего оставалось советского, это покупалось в больших количествах, затаривалось в безразмерные баулы и транспортировалось куда-нибудь в Польшу. В обратном направлении везли западную экзотику – жевательную резинку, импортные сигареты. Кто-то крутился на родных просторах: торговал книгами или налаживал контакты с колхозами, кои спешно пускали под нож дойных коров, возил из сёл и деревень машинами мясо на промышленные предприятия и продавал тушами... Конструкторы торговали носками, врачи – лекарствами, инженеры – изоляционной лентой, гвоздями и так далее... Недавно анекдот попался: «В СССР были бесплатные квартиры, больницы, школы, детские садики, дома отдыха, пио-

нерские лагеря, санатории, но не хватало бананов. Слава Богу, эти тёмные времена позади и сейчас всем хватает бананов».

В Якутии началась мамонтовая лихорадка. Как говорится, кто на чём сидит, тот тем и зарабатывает. Президентом Якутии восседал господин Николаев, он в духе демократических преобразований разрешил высоким указом: кости мамонта можно собирать сколь душе угодно! Но с оговоркой, что лежит на поверхности – бери, в вечную мерзлоту не углубляйся. Демократия демократией, да нашему брату дай запустить коготок, разроют Якутию до чрева земли-матушки. Тем более на пятки нашему брату китайский наступает со страшным аппетитом. Носом роет, добывая чужой природный ресурс, оставляя после себя распотрошённую землю. И ещё один запрет президент ввёл: найденные кости сдавать в специальный мамонтовый фонд. За пределы республики не вывозить.

Вывозили тоннами. Особенно в Китай. Если нельзя, но очень хочется, изворотливый человеческий ум найдёт лазейку... В Китае резьба по кости приобрела грандиозные масштабы, ушлые жители Поднебесной всегда отличались нюхом на покупательский спрос. А тут с одной стороны Россия, как простодырая торговка на базаре, позволяет себя обирать, а с другой Западная Европа с большим удовольствием раскошеляется на натуральный продукт, сделанный не из ширпотребовской пластмассы, а из материала, который десятки тысяч лет назад топтал многотонными ногами землю.

Китай Китаем, но не о нём речь. Вернёмся к Коле-якуту. Сидим на кухне у Дениса, беседы беседуем. Я и скажи про кости мамонта (кто о чём, а вшивый о бане). Вот бы, помечтал, съездить летом да поискать, только куда рвануть, чтобы наверняка набрать. Согласно научной статистике, аж восемьдесят процентов мировых запасов кости мамонта на Якутию приходится, но это не значит – в любом месте копни и бивень отроешь, бери и продавай. На мои мечты Коля обыденным тоном заявляет: он знает кладбище мамонтов, коего не касалась загребущая рука человека, озабоченного сбором костей. На то кладбище на Яне ни высоколобых учёных не заносило, ни чёрных копателей.

Слышать о кладбищах мамонтов я слышал, но относился с недоверием к факту – в одном месте может скапливаться множество костей. Дескать, доисторические животные, чувствуя приближение конца жизни – зубы стёрлись, кости поизносились, мышцы ослабли – шли за сотни километров в определённое место околевать.

Надо, забегая вперёд, сказать: не одни мамонты облюбовали под кладбище площадку, указанную Колей. Зря я не взял те рога. Ни до, ни после не видел в музеях ничего подобного. Что за быки носили такую красоту, так и не выяснил. Рога по всей длине витые. Взять, скажем, в две руки жгут резиновый (в сечении окружность), винтом скрутить, а потом полукольцо сделать... Бесподобные рога. Четыре штуки нашёл, полюбовался, повздыхал: если их взять, меньше мамонтовой кости увезём... В яму прикопал до лучших времён... Двадцать лет с хвостиком прошло после нашей экспедиции, но лучшие времена так и не наступили... Но это лирика, что касается костей мамонта, приходилось слышать: на таких кладбищах встречаются кости шерстистого носорога и пещерного медведя, однако нам такие не попадались.

Коля-якут был «химиком». За хорошее поведение его перевели на другой режим – мы их звали «химиками». «Химики» могли без конвоя выполнять различные работы как на самой зоне, так и за её пределами, но жили в зоне. Получил Коля срок по своей дурости. Кто сталкивался на севере с людьми местных национальностей, знает эту особенность. Многим присуще детское восприятие жизни. У нас поднять руку на близкого товарища, сжать кулак на друга, ударить – это событие из ряда вон. К примеру, случись у нас с Денисом подобное, скорее всего, помирились бы, но на всю оставшуюся жизнь лёг на сердце рубец. Что у меня, что у него. Пусть один больше прав, другой больше виноват, но терзались бы оба. Событие на уровне катастрофы. У якутов после пары рюмок потолкаться, кулаками помахать, что чаю попить. Сегодня подрались – завтра опять друзья-товарищи как ни в чём не бывало. Никаких душев-

ных терзаний, сердечных раскаяний. Ну, было – было, да и ладно. Как при разборках в детском саду, сегодня разодрались до слёз, завтра снова не разлей вода дружба, а послезавтра опять возможен конфликт с обменом кулачными ударами. К чему это веду – Коля со своим товарищем повздорил. Даже, по его словам, не дрались – просто, приняв на грудь, потолкались. Коля вышел победителем поединка, да на его беду дело произошло зимой, настоящей якутской зимой, когда на термометре практически вся контрольная жидкость опустилась на самый низ стеклянного столбика. Победённый товарищ не устоял на ногах (выпили они до начала кулачного противостояния вовсе не пару рюмок, а значительно больше), упал и замёрз. Коля получил срок.

С этой детскостью позже сами столкнёмся. Саня-охотник едва не подстрелит меня и Дениса. Мужик сам по себе отличный. Никаких претензий к нему, самые тёплые воспоминания остались от нашей встречи. Стрелок – уникал. Когда-то восхищался меткостью Дерсу Узала, читая о нём у Арсеньева, а тут в жизни встретил охотника, для которого попасть белке в глаз даже в пьяном состоянии – плёвое дело. Но об этом чуть позже.

Коля-якут, когда я вышел на тему, вот бы кости мамонта пособирать, радостно вскинулся:
– У нас таких костей как грязи!

И начал рассказывать, что в ста пятидесяти километрах вверх по Яне, если стартовать из его родного улуса, ископаемых мамонтов – целое кладбище.

– Свисти-свисти, приятно слушать! – сказал я, принимая Колины слова за обычный трёп за рюмкой чая. – Не заливай выше крыши!

– Зуб даю на отсечение! – Коля поднахватался лагерной терминологии, но от волнения, вызванного моим недоверием, в его голове два фразеологизма слились в один. – Есть мамонт, как грязи!

И начал рисовать маршрут: до Батагая на самолёте, из аэропорта на машине до улуса, где ждёт его жена Мария, оттуда подняться на моторке по Яне до заброшенного улуса Охсордох. Рядом с улусом Яна делает крутой поворот, на излучине отмель – на ней кладбище.

– Жене пишу письмо, – убеждал нас Коля, – жена моя красавица и хозяйка на все сто двадцать, встретит вас в лучшем виде. В улусе кореш мой Вася Зыков, скажете, что я, Коля Петров, ваш первый друг, Вася расшибётся для меня лепёшкой. Доставит до кладбища без копейка денег. Бутылка спирта ему в зубы – Вася полные штаны счастлив! Туда довезёт, обратно – заберёт. И ни копейка денег! Но спирт давать на финиш, Вася загулять парень не дурак!

Улус Коли-зека

Помараковали мы с Денисом и постановили: едем за костью мамонта. Зачем откладывать на завтра то, что можно съесть сегодня. Сказано – сделано. В июне Коля-зек заронил идею, в августе мы скомандовали себе: вперёд на мамонтов!

С Денисом мы в армии сдружились. Он родом из посёлка Табага, это под Якутском, сначала сошлись, как земляки, а потом – на всю жизнь, у Дениса, правда, она получилась короткой.

Денис был человеком основательным, неспешным, без лукавства, какой-то хитрости, изворотливости. Если что, прямо в лоб тебе правду-матку влепит, без всякой толерантности. Друг ты не друг, а получи, если не прав. Правильный во всём. В армии женская тема – особая статья, его спрашивают:

– Денис, у тебя баба была когда-нибудь?

Он с укором:

– Разве можно так «баба»? Надо говорить – женщина.

В нём была обострённая совестливость, чувство справедливости. Старше меня на два года, в армию в двадцать пошёл, по рассудительности всем нам фору давал. И друг надёжный. Попросишь, всегда выручит. Я, случалось по жизни, подводил Дениса, грешен. Он – никогда. Обидчивый. Может оттого, что без матери рос, она рано у него умерла. В армии первые месяцы трудно нам дались, Денис хоть и сам не в лучшем положении, но хорошо поддерживал меня. Служили мы в 1988–1990 годах, самая горбачёвщина, развал армии. Офицеры пустились во все тяжкие. Занимались распродажей имущества, пьянствовали, а дисциплину отдали на откуп старослужащим. Дедовщина процветала со страшно ядовитой силой. Из части два парня моего призыва не выдержали, сбежали. Одного поймали, а второй сгинул. С тестем разговариваю, ему семьдесят лет, в Североморске служил, в морфлоте.

– У вас, – спрашиваю, – дедовщина была?

– Нет, – говорит, – беспредела никогда. Если молодой забуреет, лодыря начинает гонять, таких мы учили родину любить. А если салага нормальный парень, от обязанностей не увиливает, лишнего не заставляли делать. Тем более прислуживать – стирать за тебя, сигареты тебе искать.

Нас деды старались всячески унижить. Меня с Денисом месяца два перевоспитывали. Никак не могли смириться, что мы не пляшем под их дудку. Побьют нас, мы в ответ их поколотим. Не сдавались. Я не из слабаков – метр девяносто ростом, такого кулаками окучить – это ещё надо постараться. Денис чуть пониже, но в плечах покруче, столько за свою жизнь сельской работы переделал. Они числом брали и на измор. Дошло до того, что я смотрел на часы и не мог понять, какое время суток. Днём работаешь, а ночь бессонная – покоя не дают. Они днём выспятся, ночью подавай развлечения.

Но мы стояли на своём, не прогибались. Чтобы брюки «дедушке» гладить, сигареты искать – ни за что. Меня отдали Володе Прохорову. Он прилетел из командировки, часть наша авиационная, часто солдат в командировки отправляли. Прохорова недели три не было, приехал, ему говорят:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.